

Поместье Хигавара, Мусутафу.

Я протискивался в трещины, щели, дыры и все другие места, которые только мог найти, по всей спальне, пока не осталось ничего, что можно было бы заполнить.

Затем я вынул столбик песка из самого центра пространства. Внутри него поднялась масса песка, медленно формируясь в нечто, что я пытался разгадать уже несколько дней.

Я изучил его со всех сторон и изнутри, используя давление в качестве ориентира, чтобы помочь с деталями, и через несколько долгих минут моя двенадцатая попытка сделать Нанами осталась на месте. Она не была столь же подробной и точной, как та, которую тетя Хаями создала две ночи назад, когда я впервые попросил ее о помощи.

Это не было неожиданностью, учитывая, что тетя Хаями была художницей мирового класса и самопровозглашенной перфекционисткой.

Дядя Саджин даже дал мне несколько советов, но он, похоже, считал, что создание полномасштабных моделей - это необычно и что мне следует ограничиться фигурками, пока я не разберусь в этом получше. Тетя Хаями рассказала мне столько всего о том, как строить лицо, что я не был уверен, что запомнил больше половины из этого, а из этой половины я не мог ни применить советы, ни, в некоторых случаях, даже заметить различия, на которые она пыталась указать.

Сейчас я был ужасен, но дядя Саджин, похоже, считал, что у меня есть потенциал стать таким же хорошим, как они, а может, и лучше, если я продолжу тренироваться каждый день - девиз семьи Хигавара часто всплывал в разговорах.

«Сила и упорство», - сказал я.

Я позволил статуэтке развалиться на части и тут же принялся за новую попытку - сегодня был мой первый день в начальной школе Мусутафу, и, по словам тети Хаями, там соблюдался строгий дресс-код.

Школьная форма, которую она принесла для меня, была аккуратно сложена на кровати - в данный момент она была погребена под массой моего песка, - и мне нужно было надеть ее перед выходом. Нанами не раз жаловалась на форму, но меня не так уж сильно беспокоили ни цвета, ни фасон, ни то, что мальчикам можно носить брюки или шорты, а девочкам - только юбки.

Мне было гораздо интереснее увидеть лица людей, которые там будут, а затем сопоставить их со всеми именами, о которых я слышал столько историй.

Дядя Саджин точно предсказал, что Нанами поймет, что мы не будем учиться в одном классе, и, чтобы она перестала плакать, мне пришлось пообещать, что я буду так хорошо сдавать тесты, что у учителя не останется выбора, кроме как отдать меня в ее класс.

Я не был уверен, что учителя вообще могут делать что-то подобное, но Нанами, похоже, была в

этом уверена.

Мы не должны были использовать наши причуды в школе, но, возможно, если я буду особенно осторожен, я смогу послать немного своего песка, чтобы сидеть с ней во время урока. Тогда я смогу воочию увидеть все лица и имена в ее классе - Нанами, стоящая посреди комнаты, рассыпалась, когда я потерял концентрацию.

«Сила и упорство», - сказал я.

Я начал процесс заново, песок поднимался вверх, приобретая уже знакомую форму - Нанами по-прежнему оставалась моим единственным другом, хотя тетя Хаями уже несколько раз пыталась это изменить.

Ни одна из попыток не увенчалась успехом, и каждый раз я просто возвращалась посидеть с тетей. Нанами, которая присутствовала при нескольких таких попытках, сумела найти общий язык со всеми, и всем остальным детям она, похоже, нравилась.

Не то чтобы мне не нравились другие дети или я не пыталась с ними поладить. Правильнее было бы сказать, что я им не нравился или что в моем поведении было что-то такое, что их отталкивало - я был слишком другим.

Я задавал слишком много вопросов.

Я слишком долго отвечал.

Я использовал слишком много слов.

Я был слишком молчалив.

Я не был быстрым или энергичным.

Я слишком много смотрел.

Я задавал сложные вопросы.

Мне слишком легко становилось скучно.

Я использовал большие слова.

Я задавал глупые вопросы.

Я говорил не то, что нужно...

Тогда я впервые заметил, что между тем, как Нанами взаимодействует с миром, и тем, как это делаю я, есть явные различия. Я еще не мог понять, что это за различия и что они значат, но теперь казалось, что я вижу их повсюду.

В центре моей комнаты стояла заново отстроенная Нанами. Лицо было неправильным, глаза слишком далеко расставлены, веки сильно выступают. Рот был слишком широким и располагался слишком высоко на лице.

Я сгладил лицо и начал снова, на этот раз сосредоточившись на мелких деталях, но в итоге получилось ненамного лучше, чем раньше.

Тетя Хаями могла создать точную копию человека, увидев его всего один раз, - на это у нее ушли годы жизни и преданность делу создания произведений искусства.

Дядя Саджин мог создать несколько моделей размером с фигурку на ладони, и они могли вступать в поединок, - этот уровень контроля над своей причудой он приобрел после почти двадцати лет работы в качестве профессионального героя.

Даже мой отец, как считается, был склонен к творчеству, хотя я никогда не видел ничего, что он сделал или в чем участвовал.

Казалось, что все члены семьи Хигавара в той или иной степени обладают творческими способностями, и я испытывал дискомфорт от осознания того, что могу как-то не соответствовать этим ожиданиям.

Только вчера вечером я наблюдал, как дядя Саджин развел руки в стороны и оставил после себя идеальную копию меня не более чем за промежуток времени между морганиями. Когда я попытался повторить этот подвиг и создать копию дяди Саджина, они оба посмеялись над массивными усами, которыми я намеренно прикрыл лицо фигуры, чтобы не пришлось разбираться в деталях - у статуи Нанами в центре моей спальни почему-то появились очень знакомые усы.

«Сила и упорство», - сказал я.

Я разрушил, а затем снова восстановил конструкцию Нанами, обратив особое внимание на форму ее глаз, носа и рта и убедившись, что на лице нет никаких признаков ошибочных волос.

В результате гиперфокусировки получилась самая удачная попытка - по крайней мере, на мой взгляд, - но в ней также отсутствовали обе брови и одно ухо.

«Хисока, - позвала Хаями откуда-то снизу, - спускайся и поешь уже, а то опоздаешь на первый день».

Нанами рухнула, и весь песок, заполнявший комнату, устремился внутрь, исчезая под моей кожей.

Я просунул один тонкий усик в свою униформу, а затем пересоздал свое тело в ней, и вот я уже сижу на кровати, полностью одетый - пришло время первого дня в школе.